

GIA JOKHADZE

*Dr. of Historical Sciences,
Professor, the Ilia Chavchavadze State University of Tbilisi
giajox@yahoo.com*

RELIGION AS A MARKER OF IDENTITY

It is well known that a religious identity is a set of beliefs and practices generally held by an individual, involving adherence to codified beliefs and rituals and study of ancestral or cultural traditions, writings, history, and mythology, as well as faith and mystic experience.

During the early 1800s in the field of psychology, research on the subject of religion was considered important and ubiquitous. For example, researchers like G. Stanley Hall and William James conducted studies on the subject of religious conversion¹.

Another cardinal issue of this subject is Religious nationalism that implies the relationship of nationalism with a particular religious belief, dogma, or affiliation. This relationship can be divided into two aspects; the politicization of religion and the influence of religion on politics².

In the former aspect, a shared religion can be seen to contribute to a sense of national unity, a common bond among the citizens of the nation. Another political aspect of religion is the support of national identity, similar to a shared ethnicity, language or culture. The influence of religion on politics is more ideological, where current interpretations of religious ideas inspire political activism and action³.

We should take into consideration that there was a superior identity in the Middle Ages – the religious identity in which, to figuratively say, other identities lived as if in the belly of a whale.

Religious identity implies that social unities should be created for encompassing more than one class and it frequently attempts to overcome even ethnic boundaries. Its message bears either national image or the universal one. A religious identity is the product of the spheres of communication and socialization. It is based on the imprints of cultural axes and their elements – values, symbols, myths and traditions – which are subsequently encoded into customs and rituals.

¹ Hall, 1904; Religion, community service, and identity in American youth, 1999, 243–253.

² Cypriot Muslims among Ottomans, Turks and British, 2011, 109–120.

³ The Worldwide Rise of Religious Nationalism, 1996.

Religious identity is eager to unite one group of all those believers who, simultaneously, intend to accept definite symbolic codes, systems of values, ritual and belief traditions, and approaches toward ultra empirical reality... The religious unity is frequently linked with ethnic identity. Since the World Religions aim to erase or overcome ethnic boundaries, the majority of religious units coincide with ethnic groups⁴.

This fundamental things shed light onto the last pagan and the first Christian Georgian king Mirian's life wherein religion was turned into an ethnic marker. Nevertheless, we intend to concentrate upon the allegorical or spiritual interpretations from the Georgian historical narratives.

Actually, the transformation or metamorphosis is the leading motif of Christianity. But in this case we need to recall the Apostle Paul's conversion: It took place on the road to Damascus where he reported having experienced a vision of the resurrected Jesus. The account in Acts 9:4 says that "he [Saul] who fell to earth, and heard a voice saying unto him, Saul, Saul, why persecutes thou me?" Saul replied: "Who art thou, Lord? And the Lord said, I am Jesus whom thou persecutes: [it is] hard for thee to kick against the pricks."⁵ From that experience he was blinded for three days and had to be led into Damascus by the hand. This life-changing experience and revelation convinced Paul that God indeed had chosen Jesus to be the promised messiah⁶.

It should also be stressed that the Middle Ages is the cultural space where nearly everything is miraculous; The miraculous intervention is most often directed toward human beings who are in need of aid, be it a physical cure for an illness or a spiritual cure for moral failings. The supernatural and the miraculous are the central concepts of Christianity; we can trace Christian attitudes toward the marvelous by examining the evolving views of spiritual and intellectual leaders. Clearly the church was out either to transform the significance of traditional materials so profoundly as to alter the nature of the phenomenon entirely to conceal or destroy what is considered the most dangerous elements in traditional – what the Church called pagan – culture. Certainly the marvelous exerted a fascination on some minds; this was its social and cultural function.

Another reason for the emergence of the marvelous in this period is that the Church no longer had the same reasons to oppose it as it had done in the early Middle Ages. The marvelous had become less threatening, and the Church felt that it could tame it or turn it to advantage. Thus, what mattered was the pressure from certain secular social groups combined with the increased tolerance on the part of the Church.

⁴ Anthony D. Smith, 2008: 7–8.

⁵ The account in Acts 22:9 says his companions saw the light, but did not understand the voice of him who was speaking to Saul.

⁶ Acts 9:1–31, 22:1–22, 26:9–24.

The third phase is somewhat different from the first two. A sociological explanation is still in order, but something needs to be said about aestheticism of the marvelous, that is, its increased use as ornament. One characteristic of the marvelous is, of course, that of being produced by supernatural forces or beings. The marvelous also embraces a world of diverse objects and actions (Le Goff).

Using this schema we can trace the narrative of conversion of the Last pagan and the First Christian king of KartliMirian.

Let's recall the general plot of this episode:

Then Queen Nana fell ill with a severe and painful disease which nobody could heal. All the skillful physicians tried every one of their medicines, but without success. They told Queen Nana how this Roman slave girl, who was called Nino, had cured many sick people by her prayers. So she ordered her servants to bring Nino to her. They went and found her kneeling at prayer in the arbor under the bramble bush, and it was six o'clock. They told her the queen's command, to which Nino answered, "I have no authority to leave my humble tent. Let the queen come here to my dwelling, and she will surely be healed by Christ's power". The servants reported Nino's words to the queen, and carried her forth on her couch, accompanied by her son Rev and a crowd of people. When they came to St. Nino's abode, they set the queen upon her mat. Nino prayed and besought God for a long time, and then took her cross and touched the queen's head, feet and shoulders, making the sign of the cross. Immediately she recovered and got up in perfect health. And she confessed Christ saying, "There is no God except Christ whom this slave girl preaches". Henceforth she became Nino's friend, and came to know the True God.

When the king inquired how it was that she had been cured so rapidly, she told him everything, namely how she had been healed without medicine, by the touch of a cross. The crowds who had seen it confirmed the queen's story, so that King Mirian was filled with amazement and began to look for the faith of Christ. Now in the Book of Nimrod, which King Mirian possessed, he read the story of the building of the tower, when Nimrod heard a voice from heaven saying, "I am Michael, appointed by God to be commander of the east. In future times, the king will come from heaven to be a despised member of a despised race. But the terror of His name will put an end to worldly pleasures. Kings will forsake their realms to seek for poverty. He will heed you in your sorrow and deliver you". Then Mirian saw that the evidence of the Old and New Testaments was confirmed by the Book of Nimrod.

One summer day, being Saturday, the 20th of July, the king went on a hunting trip towards Mukhrani. Then that invisible enemy the devil tempted him by reviving in his heart the love of fire-worship and of idols. So the king said to four of his advisers, "We have behaved unworthily towards our gods by being idle in their service and letting these Christian magicians preach their doctrine in this Country, for their miracles are operated by sorcery. I have now decided to destroy all these believers in the cross unless they agree to serve the victorious gods of Georgia. I shall urge my wife Nana to repent and abandon her faith in the cross. If not, I shall

forget my love for her, and she shall perish with the others ".His companions, who were strongly prejudiced on this question, applauded his decision.

The king had now passed the outskirts of Mukhrani and arrived at the lofty hill of Tkhoti, from which he could see Caspi and Uplistsikhe. When he had reached the top and it was mid-day, the sun was obscured and it became as black as perpetual night. The region was enveloped in darkness and the members of the party lost touch with one another. The monarch was left by himself, anxious and afraid, he wandered about on the densely wooded hills until in his fear and anxiety he stood still in one place, losing all hope of being rescued. Then he began to muse, and said to himself, "After all, I have called on my own gods and found no comfort. Now. I wonder whether the Crucified One whom Nino preaches could save me from my plight. Light up this darkness for me, O God of Nino, and I will confess Thy name ! I will set up a Wooden Cross and worship it, and build a place to pray in, obey Nino and accept the faith of the Romans'.

After he had uttered these words, it became light, and the sun shone down in all its splendor. Then the king got down from his horse and stretched out his arms to the east towards heaven, saying, "Thou art God above all gods, Lord above all lords, Oh, Deity whom Nino proclaims. Now I know that Thou desirest my salvation, and I rejoice, blessed Lord, to come near unto Thee. I will set up a cross upon this spot, so that Thy name may be praised and this marvel commemorated forever." So he marked the place and departed, and Queen Nana and all the people came out to welcome the king home⁷.

What we are interested in is the symbolic meaning of this fragment and ideological intention for the formation of such a text.

As the prior point we should take into account that we deal here with the creation of such a phenomenon as a - new king – new with his spiritual experience and with the new skills of leadership.

The establishment of Christianity was decided by Mirian's will and choice, more exactly, by the temptation encountered by him while hunting on Mount Tkhoti. Here, three significant moments should be identified: the so-called "solar eclipse", staying alone and wayward roaming in Tkhoti woods. Within the peril, encountered by the king, on the mount, the light and the dark opposed each other totally and, one can say, fatally, with their both physical and spiritual dimensions. The king's roaming in the dark symbolically and existentially rendered the condition of the so called "northern country" under heathenism. The country's religious mislead turned into the king's personal experience. In a crucial situation, the lonely king stepped over the threshold, in order to return from hunting as a new personality and to lead the country into the new time. With its depth, the temptation having occurred to Mirian, is a sign of the eschatological and apocalyptic expectation

⁷ LIVES AND LEGENDS OF THE GEORGIAN SAINTS.

in the biblical language and those who will address God will survive. We might remember here the several sentences of the Scripture such as:

Isaiah 13:10: "The stars of heaven and their constellations will not show their light. The rising sun will be darkened and the moon will not give its light"; Jeremiah 4:28 "For this the earth shall mourn, and the heavens above be dark; for I have spoken; I have purposed; I have not relented, nor will I turn back;" Joel 2:10: "The earth quakes before them; the heavens tremble. The sun and the moon are darkened, and the stars withdraw their shining;" Joel 3:4: "What are you to me, Tyre and Sidon, and all the regions of Philistia? Are you paying me back for something? If you are paying me back, then in a flash I will turn your deeds back upon your own heads";

Mirian should also have felt that when he walked under the sunlight, he actually walked in the dark, as one of the characters regretfully said once: "we walked in the light, but lived in the dark, rejoiced relief, but accustomed to lament".

The providence chose the specific way for the conversion of the king – the hunting, the most favorite activity of kings due to Mirian's belonging to the Iranian royal circle whose roots go back to old eastern cultures is closely linked to the king's status. King is the hunter par excellence. The Christian world doesn't express its censure on hunting, it still remains king's and nobilities' sport, the attribution of kingship. Christian literature, particularly, hagiography consists of several episodes where the temptation during the hunting is the precondition of the spiritual transfiguration. That who earlier was a "hero" is turning into Christ's slave. A bloody sport turned into a playground of the spiritual experience. Therefore, it should not be unexpected when Meister Eckhart, a German theologian, philosopher and mystic, speaks about a zealous hunter whose game is Christ.

That's why, the necessity of hunting was transformed into a stylized pastime of the aristocracy. More than a pastime, it was an important arena for social interaction, essential training for war, and a privilege and measurement of nobility. Like everything else in the Middle Ages, hunting was full of symbolism. Religious symbolism was common; the hart or the unicorn was often associated with Christ, but the hunt itself could equally be seen as the Christian's quest for truth and salvation. In this respect we may recall the plot of the historical narrative on Parnavaz, the founder of the first royal dynasty in Georgia, especially, the dream of Parnavaz which contains a whole complex of mythologems and symbols connected with the concept of the origin and source of royal power (such as "sun dew", the royal hunting, discovery of treasure, etc.). According to the narrative, the small Parnavaz's family is destroyed, and his heritage is usurped by Azon installed by Alexander the Great during his mythic campaign in Kartli. He is brought up fatherless, but a magic dream, in which he anoints himself with the essence of the Sun, heralds the peripeteia. He is persuaded by this vision to "devote [himself] to noble deeds". He then sets off and goes hunting. In a pursuit of a deer, he encounters a mass of treasure stored in a hidden cave. And this is the beginning, as empirically, as well as symbolically, of his reign.

The king-hunter's (in this case, Mirian's) temptation on mount Tkhoti goes far beyond human personal and individual boundaries, and turned into a determiner of the fate of the whole country. The Tkhoti temptation symbolically rendered the religious situation of the northern country: the king's presence in the dark reflected the country's situation, to which the Conversion of Kartli hinted many times.

Christianized Mirian is no longer a dreadful king, the sight of whom terrorized the people attending the Armaz festival. While before the king and the nation were in different time and different space, from now on they are side by side, they have one goal. The king has descended from the pedestal, and now he and his people have the same joys and sorrows: "And then a numerous crowd assembled and the king was with them"; "the king and the whole nation abandoned sorrow"; they started to rush and to assemble around him whenever they saw the miracle"; "tears were running in streams from the eyes of the king and princes and the whole nation".

Mirian wrote The Letter and The Will. The former one demonstrates Mirian's transformed personality, the king carrying new values, the king who sees his dignity not in the past (in the old), but in the future, to which he laid a foundation.

Everything that is old is forgotten, exactly so as it is put by the apostle: "Anyone who is in Christ, there is a new creation" (2 Cor. 5:17). Mirian's transformative change of heart or a spiritual conversion was revealed not only in his modesty and obedience, but also in his viewing history, due to which he said: "and when the time came and came this beatific woman". The king perceived the proper time as the moment in the history of his country, when the watershed appeared between the old and the new.

The king says to the future reader of The Letter that St. Nino was aware of the hidden thoughts, implying not only that St. Nino guessed some of his unspoken desires, not only the consideration of opportunities, but more: that is beyond an empirical human. This is the domain of which Mirian had never thought. The "hidden" implies his mission at the turning point of the country. Mirian is just an acceptor, confirmer of what was brought by St. Nino. "She associated our nation with Christ", - writes the king in order to express the king's and the nation's inclusive unity.

One More Point is the idea of legitimacy which went beyond the dynastic claims. King needed more features to attain loyalty of his environment. The narrative about conversion of Mirian to Christianity is to be interpreted as sacralization of king's political figure in the context of the new religion. "The Life of the King Mirian" declares that Mirian for Georgians was 'the most beloved King, because...~ (1) he forgot the Persian language and learned Georgian, (2) treated well idolatricpriests and (3) adorned Pharnavaz's (the first Georgian king's) grave. All these accounts speak about the adherence of Mirian to the cultural and historical

values of all the Georgians. So, the cultural identity along with dynastical belonging was the most important aspects of legitimacy of the king⁸.

Thus, we see a new king and a new nation – their unity, brought by the times. As a final point, I presume to return to Meister Eckhart's saying which, in my opinion, sharply stresses King Mirian's religious conversion as a marker of social and national identity: Truly, it is in darkness that one finds the light, so when we are in sorrow, then this light is nearest of all to us.

BIBLIOGRAPHY

Anthony D. Smith, National Identity, Tbilisi, 2008, 7–8

Acts 9:1-31, 22:1-22, 26:9-24

Hall G. S., (1904). Adolescence, Vol. II. New York: Appleton.

Kiknadze Zurab, – Georgian Folklore, Tbilisi, 2007

Kiknadze Zurab, – Kartli On the Road of Christianity: people and sanctities, Tbilisi, 2009

LIVES AND LEGENDS OF THE GEORGIAN SAINTS, selected and translated from the original texts by DAVID MARSHALL LANG (M.A., Ph.D. Professor of Caucasian Studies University of London. <http://georgianweb.com/religion/stnino.html>

Jacques Le Goff, The Medieval Imagination, http://www.amazon.com/The-Medieval-Imagination-Jacques-Goff/dp/0226470849#reader_0226470849

Juergensmeyer Mark, – "The Worldwide Rise of Religious Nationalism", Journal of International Affairs, 1996, 50, 1.

Xypolia Iliia, – (2011). "Cypriot Muslims among Ottomans, Turks and British". Bogazici Journal 25 (2), 109–120

Youniss, J., McLellan, J. A., & Yates M., (1999). Religion, community service, and identity in American youth. Journal Adolescence, 22, 243–253.

⁸ **Kiknadze**, 2007, 66–69. **Kiknadze**, 2009, 52–60.

ГИЯ ДЖОХАДЗЕ

*Доктор исторических наук, профессор
Тбилисского государственного
университета им. Ильи (Чавчавадзе)
giajox@yahoo.com*

РЕЛИГИЯ КАК МАРКЕР ИДЕНТИЧНОСТИ

АБСТРАКТ

Всем хорошо известно, что религиозная идентичность есть форма коллективного и индивидуального самосознания, построенная на осознании своей принадлежности к определенной религии и формирующая представления о себе и мире посредством соответствующих религиозных догм. Она «представляет собой фиксирование тождественности субъекта в смысле приобретения посредством религии собственного экзистенциального опыта при субъективном осознании своей принадлежности к тому или иному религиозному сообществу». Религиозная идентичность является одной из первых форм самосознания человека и потому находится у истоков формирования других видов идентичности.

В начале 1800 г. начались психологические исследования на эту тему и некоторые ученые пришли к выводу, что формирование религиозной идентичности у молодежи сходится с религиозным обращением, принятием какой-либо конфессии.

Другим кардинальным вопросом той же проблемы является религиозный национализм, который включает в себя отношение между национализмом и конкретными религиозными верованиями, догмами, принадлежностью. Тут можно выделить два аспекта: политизация религии и влияние религии на политику.

В первом аспекте общая религия может рассматриваться как вклад в формирование национального единства, как общая связь между представителями нации.

Во второй политической аспект религии подразумевает поддержку национальной идентичности, схожей с общей этнической принадлежностью, языком и культурой. Влияние религии на культуру понятие в основном, идеологическое, когда определенная интерпретация религиозных идеи порождает и воодушевляет политическую активность и действия.

Мы должны принять во внимание, что в средневековье существовала т.н. сверхидентичность – религиозная, в которой, говоря фигурально, как в чреве кита, дремлют все остальные виды идентичности.

Религиозная идентичность предполагает формирование того социального единства, которое охватывающего не один класс общества и зачастую, стремящегося преодолеть даже этнические границы. Главная миссия такого единства носит национальный, либо – универсальный характер. Религиозная идентичность продукт сфер коммуникации и социализации. Она откладывается на всех составляющих культурного стержня – символах, мифах или традициях – которые впоследствии кодируются в обычаях и ритуалах.

Цель религиозной идентичности объединение в одну группу тех верующих, которые разделяют определенные символические коды, системы ценностей, ритуалы, традиции, связанные с верой и установки, которые ведут к сверх-эмпирической реальности. Религиозная идентичность часто связана с этнической идентичностью. Но если мировые религии стремятся к преодолению этнических границ, мнение большинства религиозных единств совпадает с мировоззрением этнических групп.

Такова точка зрения ведущих ученых, которые занимаются идентичностью (к примеру, Энтони Д. Смитта), и такое стечение обстоятельств, на наш взгляд, требует заняться т.н. Close Reading, т.е. новым, доскональным, внимательным чтением известных и изученных нарративов о последнем языческом и первом христианском царе Картли Мириане, где религия превращается в этнический, а может быть – и национальный маркер. На сей раз мы хотим сосредоточиться на конкретном действии, с целью найти в надежде нахождения в нем аллегорический или духовный смысл.

Фактически, трансформация или метаморфоза (в теологии используется и греческий термин *μετάνοια*, т.е. «перемена ума», «перемена мысли», «переосмысление») ведущий мотив всего христианства. В нашем случае и для нашей цели нам кажется уместным, вспомнить эпизод трансфигурации апостола Павла:

“Савл же, еще дыша угрозами и убийством на учеников Господа, пришел к первосвященнику и выпросил у него письма в Дамаск к синагогам, чтобы, кого найдет последующих сему учению, и мужчин и женщин, связав, приводить в Иерусалим. Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна. Он в трепете и ужасе сказал: Господи! что повелишь мне делать? и Господь сказал ему: встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать. Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя. Савл встал с земли, и с открытыми глазами никого не видел. И повели его за руки, и

привели в Дамаск. И три дня он не видел, и не ел, и не пил” (Деяния апостолов, 9:1–9).

Этот опыт и это поразительное открытие изменили жизнь Павла: он поверил, что Господь действительно избрал Иисуса мессией.

Должны также подчеркнуть, что средние века – то культурное пространство, где без чудес почти ничего не бывает, хотя великий и ныне покойный французский историк Жак Ле Гофф уверял нас, что само христианство в сфере чудесного не создало почти ничего, и в отличие от иных элементов культуры и ментальности, чудесное принадлежит непосредственно древним культурным слоям⁹. Но это преувеличение. Очень во многом явно просматривается желание церкви, кардинально изменить чудесное - придав вере в чудесное совершенно новое значение. Церковь стремится превратить ее в явление иного порядка. Чудесное не ослабляло своего воздействия на умы, исполняя тем самым одну из своих культурных и социальных функций.

Используя выше описанную схему и эпистему, один из основных терминов философии Мишеля Фуко - структуру, существенно обуславливающую возможность определённых взглядов, концепций, научных теорий и собственно наук в тот или иной исторический период, мы должны проследить за эпизодом обращения в христианство Мириана.

Молитвою своею Нино исцелила царицу Нану от тяжелой болезни, которую искусство человеческое не могло исцелить. Таким же успехом, т.е. с помощью Божьей, она исцелила еще и других.

„И было [это] в летний день месяца июля 20, в день субботний царь отправился на охоту в сторону Мухрани. И объехал он окрестности Мухрани, и поднялся на гору Тхоти, чтоб посмотреть на Каспи и Уплисхихе. И как только наступил полдень, солнце затмилось и стало темно, будто наступила ночь вечная. Темнота покрыла все места. И свита царя не выдержав испытания разбежалась в разные стороны, царь остался один и блуждал по горам и лесам объятый страхом и ужасом. И, потеряв надежду на спасение, он остановился. И вот бог, творец добра, сделал его, несведущего сведущим, невежду знающим, и [он] пришел в себя и, рассуждая в уме, сказал: «Вот вижу, что призываю во весь голос богов своих Армаза и Задена и не нахожу утешения. А что, если сейчас обращусь к распятому на кресте, которого проповедует Нино и, уповав на него совершает множество исцелений. Не сможет ли он спасти меня от беды этой, т. к. живой нахожусь в аду, и не ведаю для всеми вселенной наступило крушение и превращение света в тьму, или эта беда наступила только меня одного». И немедля [царь] вслух сказал: «Боже, которого почитает Нино, освети мне эту тьму и покажи дом свой! Исповедаю имя твое, воздвигну древо креста и поклонюсь ему, построю обитель для твоего обитания и моего

⁹ Гофф Ж., Средневековый мир воображаемого, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Goff_SrMir/02.php.

моления и буду повинен Нино в вере римлян». И лишь как только он это произнес, как сразу же сказал, рассвело и засверкало солнце. Тогда сошел царь с коня, упал лицом на землю в слезах и стелая. И, воздев руки, обратившись на восток, сказал: «Ты - Бог над всеми богами и Господь всех, Бог, которого проповедует Нино. Твое имя должно быть прославляемо всеми рожденными под небесами и на земле. Ты спас меня от беды и просветил именем своим тьму мою. И вот я познал, что Ты хочешь спасти меня и приблизить меня к себе. И теперь на этом месте воздвигну древо креста Твоего, чтобы тем величалось святое имя Твое и вспоминалось это дело и знамение во веки веков». И запомнив это место, [царь] отправился обратно, а рассеянная свита его, увидев свет, собралась. И царь громко взывал и говорил всем кто следовал с ним: «Воздайте все люди славу Богу Нино, ибо он один Бог веков и ему одному подобает величие во веки веков»! Между тем царица Нана и весь город вышли навстречу царю, ибо сначала они сначала слышали о гибели, и потом - благополучном возвращении [царя]¹⁰. Нас интересует в этом фрагменте символическое значение и идеологическая интенция создания именно такого текста.

В первую очередь, должны принять во внимание то обстоятельство, что здесь мы дело имеем с созданием такого феномена как „новый царь” – новый, в смысле духовного опыта и способностей управления.

Во время охоты должны выделить ряд основных моментов: т.н. затмение солнца, страходиночества и блуждания царя. В этих пассажах страх царя показывает противопоставление света и тьмы тотально, а может быть, и фатально, в своих физических и духовных измерениях. Скитание во тьме экзистенциально представляет положение т.н. северной страны, языческого государства. Религиозное заблуждение страны превращается в личный опыт царя. Оставшись в одиночестве, царь переступает порог, чтобы вернуться с охоты как личностно обновленным, так и с намерением, ввести свой народ в новое время. Своей глубиной, шаг Мириана, указывает на эсхатологическое и апокалиптическое ожидание.

Например, вспомним что говорится в пророчестве о Вавилоне, которое изрек Исаия: Звезды небесные и светила не дают от себя света; солнце меркнет при восходе своем, и луна не сияет светом своим (Исаия, 13:10).

Восплачет о сем земля, и небеса помрачатся вверх, потому что Я сказал, Я определил, и не раскаюсь в том, и не отступлю от того, - говорит пророк Иеремия (4:28).

Перед ними потрясется земля, поколеблется небо; солнце и луна помрачатся, и звезды потеряют свой свет, - твердит пророк Иоиль (2:10).

Мириан должен был чувствовать, что раньше, когда он ходил под солнцем, на самом деле, бродил во тьме.

¹⁰ ОБРАЩЕНИЕ ГРУЗИИ, <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Obrashenie/frameset.htm>

Провидения избрала для Мириана специфический путь обращения – охоту, излюбленное занятие царей, учитывая и тот момент, что Мириан принадлежал персидскому царскому роду: эта история уходит корнями в глубину веков, к статусу царя в восточной культуре. Царь суть охотник *rag excellence*. Христианство не распространило свою цензуру на охоту, которая так и осталась спортом царей и благородных вельмож, атрибуцией правления. В христианской литературе, в основном, агиографии сохранились эпизоды, описывающие искушения во время охоты, когда они становятся предпосылкой духовной трансформации. Тот, кто раньше звался героем, отныне зовется рабом Христа. Кровавый вид спорта стал ареной для духовного деяния. Как говорит один немецкий теолог, страстный охотник превращается в добычу Христа.

Охота Мириана больше, чем персональный опыт – она превратилась в судьбу страны. Охристианившийся Мириан больше не наводит страх на людей, раньше люди и их правитель жили в разном пространстве и времени. Отныне они вместе, и имеют общую цель.

Царь отныне (Послание и Завещание Мириана) видит свое достоинство не в прошлом, а в будущем, все старое (идолы, бывший родной язык, языческая культура) забыто, как говорит апостол:

Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое (2-е Коринфянам 5:17).

Притом, проявляется новая черта правителя: не царь зачинщик, инициатор и распорядитель, а Нино (Христос). Мириан только принимает и подтверждает.

Еще один момент, в котором проявляется идея легитимации, и таким образом преодолеваются династические претензии: Мириан добивается верности и преданности от своего окружения: да, он объявил христианство государственной религией, но это не мешает ему чтить память Парнаваза, первого грузинского царя. Таким образом, Мириан защищает общегрузинские культурные и исторические ценности. Можно подметить, что вместе с династической принадлежностью в легитимацию царя вносит свою роль и культурная идентичность¹¹.

Таким образом, перед нами новый царь и новая нация – новое пространство и новое время. Обновляться могут все творения, которые ниже Бога. Мог бы Мириан подумать: Глаза, которыми я вижу Бога, те же самые, которыми меня видит Бог?!

¹¹ Kiknadze Zurab, 2009.